

Глава третья

Была же тогда суббота. И когда возшло солнце, сошлись оба войска. И была сеча зла, и треск от ломающихся копий стоял, и звон от ударов мечами, словно замерзшее озеро двинулось; и нельзя было льда видеть, ибо покрыт он был кровью.

*«Повесть о житии и храбрости благоверного
и великого князя Александра»*

В лето 6749 (1242 год)

20 февраля

(месяц и тринадцать дней до битвы)

Юрьевский монастырь близ Новгорода

– Передайте матушке Евпраксии, что ее хочет видеть Герберт фон Буксгевден, – так воевода Кербет последний раз назвался своим прошлым именем.

Монастырский служка растерянно посмотрел на воеводу в богато украшенных доспехах (вроде свой, русич, но почему имя немецкое?), однако пропустил.

Кербет даже не удивился, когда на пути к Юрьевскому храму его встретила спешащая навстречу игуменья. Только с облегчением вздохнул, не увидев возле нее Настасьи – зачем лишний раз видеть свою полюбившуюся, но несостоявшуюся невесту?

Евпраксия трижды перекрестила своего гостя, обняла и вручила ему православный

крестик на веревочке, с пожеланием носить вместе с крестильным (латинским). Кербет согласно кивнул. Игуменья продолжила, что на днях выезжает в Оденпе к своему бывшему мужу Ярославу Владимировичу, дабы убедить князя не проливать больше русской крови.

Кербет растерянно вымолвил:

– Матушка, да ведь горбатого лишь могла исправит – князь Ярослав смертельно обижен на русичей. Сгинешь только там.

– Сынок, такова Божья воля! Я знаю, что возвращусь в гробу. Скажи князю Александру, чтоб велел похоронить меня во Пскове, в храме Иоанна-Предтечи.

Кербет растерянно смотрел на Евпраксию, он даже не пытался ее отговорить, понимая, что не ему изменить волю Господа. Игуменья вдруг хитро улыбнулась и тихо молвила:

– Ты выполнишь все данные Настасьей обеты для вашего брака. Сыновей назовете – Гаврила и Федор¹, а дочку...

– Евпраксией.

¹ Фёдор – русский вариант имени отца Кербета - Теодориха.

Матушка только на миг счастливо улыбнулась, потом заплакала и, пожелав воеводе счастья, удалилась.

Кербет даже не попытался выведать о данных Настасьей обетах, зная, что игуменья все равно не проговорится.

Князя Александра перед походом напутствовал новгородский архиепископ Спиридон. Немногословно, словами Псалмопевца¹:

– Иные с оружием, иные с конями, а мы именовем Господа Бога нашего хвалимся. Они поколебались и пали, а мы встали, и стоим прямо.

И главное: Спиридон направил в помощь князю свой владычный полк².

В лето 6750 (1242 год)

5 апреля

БИТВА

Узмень

Светлело. Отдельные лучи холодного весеннего солнца с трудом пробивались сквозь темные тучи. Дымком потянуло с немецкой стороны озера, повеяло запахом съестного – враг подкреплялся перед битвой.

Александр Ярославич довольно кивнул воеводе Кербету: прав был тот (кому как не ему знать военные обычаи «божьих рыцарей»³), настояв не ждать на ногах ночного

удара крыжовников⁴, а дать полкам отдохнуть (кому-то в последний раз) перед бранью... Да и самому Кербету князь решил доверить правое крыло – умелым воеводой показал себя бывший рыцарь – отличился при взятии Пскова, да и вывел поредевший отряд Домаша после разгрома.

– Брат, позволь мне повести вперед большой полк и первым ударить на немца! – радостно-взволнованно заговорил князь Андрей, приблизившись к брату Александру и большому воеводе Гавриле Олексичу.

Александр Ярославич, скрывая усмешку, глянул на младшего брата, потом на расплывшегося в улыбке большого воеводу. Да, точно так позапрошлым летом он, Александр, желая сподобиться своему великому деду Мстиславу Удатному, не дождавшись подхода полка Гаврилы Олексича, сгоряча рванул со своей малой дружиной на свеев⁵. Напутствовал князь своих ратников перед битвой короткими словами: «Не в силе Бог, но в правде!» Господь Всемогуший, взаправду видел накануне ижорский старшина Пелгусий святых защитников земли Русской князей Бориса и Глеба, иначе каким чудом он уцелел в той неопишуемой кровавой рубке, вернее в бесполоковой свалке, образовавшейся в тот миг, когда со своими людьми прорвался сквозь редкий частокол в сердце свейского стана. Если бы замешкался, запоздал со вступлением в бой подоспевший Гаврила Олексич, если бы друг-побратим Ратмир ценою своей жизни не прикрыл Александра от направленного в спину свейского копья...

Князь Александр невесело рассмеялся: ромейская богиня Ника любит отчаянных и смелых, поощряет их радостью побед, но не слишком часто, потому как нельзя бес-

¹ Псалмопевец, песнотворец – библейский царь Давид, автор Псалтыри.

² В Новгороде архиепископ содержал свой полк – владычный.

³ Одно из наименований крестоносцев на Руси («божьи риторы»).

⁴ Крыжовник – крестоносец (от слова «крыж» - крест).

⁵ Свеи – древнегерманское племя, а также собирательное наименование жителей поселений, расположенных на территории современной Швеции.

конечно искушать судьбу – дед Мстислав при Калке в сотый раз доверился судьбе, и сколько тысяч русичей устали своими телами берега той злосчастной речки!..

– Нет, брат, встанешь ты со своим полком по леву руку, владыковых оружников поставим на правом крыле во главе с воеводой Кербетом – не посылать же бывшего рыцаря Герберта супротив родного дяди Германа! Татарский отряд надлежит спрятать в лесу, негоже немцу знать, что их всего несколько десятков наберется, – начал пристраивать полки князь Александр, – а Большой полк и передовых стрельцов...

– С Большим полком кому как не большому воеводе быть, – прервал князя Гаврила Олексич, с улыбкой смотря тому прямо в глаза, как бы говоря: «Не боись, княже, выстоим, примем на себя смертельный удар орденского войска. Да пойми ты, княже, мне с новгородцами еще жить, а каково мне будет в глаза вдовам и сиротам смотреть, когда те спросят после сечи, где ты был, когда немцы Большой полк вырубали? А кто еще кроме меня новгородцев удержит на месте, обрекая их на верную погибель от «железного» полка немцев?»

«Одно дело, устремиться вперед, схватиться с немцем, – подумал воевода. – Иное – неподвижно ожидать немецкую «свинью», кляня княжье повеление – ни шагу вперед, ведь немец глубоко увязть должен, а нам отступать нельзя! И не скажи новгородцам, что, пока их будут рубить, конные дружины русичей разметают вражеские крылья, – а это еще совершить надобно, враг силен, после разгрома отряда Домаша осмелел, уверен в своей победе! – обойдут и только тогда ударят крыжовникам с тыла...». Еще вче-

ра постигнул воевода замысел князя, поняв несказанное, хотел воспротивиться, ибо, будь он князем, то поступил бы по-иному, ведь людей щадить надобно... Но князь-то не он. Дождаться бы подхода обещанной еще Батыем татарской рати, но что-то подсказывало Гавриле Олексичу, что татары (Господь Всемогущий, настали времена, что окаянные татары в друзьях ходят!) к концу битвы в лучшем случае появятся.

Князь Александр обнял Гаврилу Олексича, чуть слышно прошептал: «Уцелей, мне с тобой столько еще дел предстоит!», широко перекрестился, прочел коротенькую молитву и громко – так, чтобы вокруг все услышали, – произнес:

– Кто может встать супротив Бога и Господина Великого Новгорода?!

Потом еще раз взглянул на удалявшегося Кербета, вспомнил, как месяц назад вступали во Псков, и не удивился, увидев сверкнувшие золотом шпоры – рыцарские.

5 марта (месяц до битвы)

Псков

Князь Александр торжественно под звон колоколов въезжал в Псковский Кром через захаб¹ Великих ворот. Псков освобожден! И немалая заслуга в этом была его нового воеводы – Кербета. Правда, сперва тот отказался въехать под видом вернувшегося из дальнего похода рыцаря Герберта фон Буксгевдена со свитой и захватить проход в город, как настойчиво, до крика,

¹ Захаб (охабень) – оборонительное сооружение, представляющее собой длинный узкий коридор, на значительном расстоянии проходящий от входных ворот между двумя стенами – наружной и внутренней (есть мнение, что захабы были и в Смоленской крепости – и в деревянной, и в каменной Федора Коня – не обошлось, наверное, и без остатков «литовского вала»). Помимо наружных входных ворот, имелись и внутренние ворота, закрывающие выход из захаба в город. Поверх коридора был настил с бойницами для лучников. Прорвавшийся неприятель мог поражаться с трех сторон.

предлагал Домаш Твердиславич. Ответ был один: недостойно рыцарской чести. Кербет и несколько десятков оружников проникли в Кром тайно, спрятавшись под сеном в повозах, ежедневно привозящих в крепость хлеб, пиво, молоко и мед, миновали захаб Смердых ворот и открыли путь Александрову воинству. Попытка отряда самого Домаша сходу прорваться через соседние Великие ворота успеха не имела. Князь с усмешкой слушал, как раздосадованный неудачей Домаш Твердиславич все бурчал и бурчал, мол, не понимает, почему попасть в крепость, спрятавшись под сеном на повозе – достойно, а въехать под видом немецкого рыцаря (им же по правде и являясь) – не достойно. И тут и там – ведь обман! И что такое – какая-то рыцарская честь? Да, жадному торгашу не понять! Сам Александр, считая, что для достижения победы любые пути хороши, с иронией посматривал на своего нового воеводу. Хочет быть верен своей рыцарской чести – пусть будет! Зато можно быть наверняка уверенным, что бывший рыцарь Герберт и не подумает об измене.

Александр вдруг вспомнил, как прошлой осенью его супруга решила женить Кербета, одиноко державшегося среди сподвижников своего мужа. Неразумная, пораспросила бы предварительно своего князя, а так – привела того во двор своей подружки боярышни Настасьи, дочери погибшего под Изборском Гаврилы Гориславича, свататься, как оказалось, убийцу ее отца. Какая тут свадьба! А Кербету дочка Гориславича приглянулась, и, кажется, уже давно...

Александр Ярославич хотел жестоко покарать псковских изменщиков. Перевешать всех на крепостных стенах, как ранее в захваченном Копорье. Ан нет – воевода Кербет и, чего менее всего князь ожидал, Гаврила Олексич – воспротивились. Пришлось двумя только ограничиться: вздернули над городскими Смердыми воротами Твердилу Иванковича с сыном. Немецких наместников и кнехтов в цепях отправили в Новгород,

местных предателей по крепостным подвалам под замок посадили. Александр был уверен в грядущей победе над немцами, но так, на всякий случай, повелел: если что, то всех узников умертвить. Изборск решили обойти, саму крепость малыми силами осадить. Благодарные за милость псковичи значительно усилили полки князя – правы оказались Кербет с Олексичем.

За день до выступления войска князя Александра в поход примчалась вдруг из Новгорода несостоявшаяся невеста Кербета – Настасья Гавриловна. Разметала-gridней, прорвалась в княжеский терем, в слезах кричала что-то о Божьей Воле, предсказании игуменьи Евпраксии. Единственно, что уразумел Александр Ярославич, что заслуги его нового воеводы при взятии Пскова чудным образом искупили все грехи последнего перед Настасьей, что девушка желает, не медля, обручиться с Кербетом, чтоб по окончании Великого Поста и обвенчаться. Тут князь только руками развел – три дня назад отряд Домаша Твердиславича и Кербета выступил на Дорпат. К счастью, подошел Гаврила Олексич, сумевший успокоить разрывающуюся боярышню. С трудом уговорили рвущуюся в поход Настасью обождать возвращения Кербета в Иоанно-Предтеченском монастыре.

– Чудны дела Твои, Господи! – только и вымолвил князь.

Но «чудеса» на этом не закончились. Наутро в Псков прибыл старинный враг Новгорода – князь Ярослав Владимирович! С повинной головой и своими сторонниками. С обещанием сдать Изборскую крепость при подходе новгородского войска. И подвиги на это князя Ярослава убеждения и молитвы его бывшей супруги, а ныне игуменьи Евпраксии, навестившей князя две недели назад. Александр знал от Кербета о грядущей поездке княгини-инокини к своему бывшему мужу, но не верил в успех. Князь Ярослав был прощен и получил во владение Новоторг, вернее, был туда отправлен.

Одно плохо – задержали крыжовники Евпраксию в Медвежьей Голове (так на Руси называли ливонский город Оденпе).

Матушка Евпраксия была убита через два месяца в Оденпе – 8 мая. Причины ее смерти остались неизвестны – возможно, это была месть Ордена за бегство на Русь ее бывшего супруга и разгром на Чудском озере, возможно, ее умертвил пасынок – сын князя Ярослава от жены-немки. Кто знает? Нетленные останки преподобной Евпраксии через год были захоронены в Пскове в Иоанно-Предтечевском храме основанного ею монастыря (тело вернули по условиям мирного договора – князь Александр особо настоял на этом). Много чудес произошло у ее могилы в храме.

БИТВА (продолжение)

Епископ Герман крихтя, с помощью двух оруженосцев взгромоздился на старого спокойного мерина – давно уже прошли те

времена, когда епископ разудало мчался в сечу на лихом боевом скакуне. Огляделся по сторонам: свой, лесистый берег озера за спиной, деревушка Мехикорма¹ все догорает.

Орденский ландмаршал Вернер фон Наумбург выстроил свою хоругвь и союзных ливов² по центру, датчане пристроились слева, епископский полк – справа³, а дерптские ополченцы образовали вторую линию. Русичи толпятся у своего берега. «Не успели отступить, а может, и не захотели?» – подумал епископ. Пешцы в центре, по несколько сотен конных и пеших воинов толпятся по флангам. Разведка и пленные доносили о сильных конных полках русичей, где они? Все ли русичи построились, не спрятал ли князь Александр конные отряды за тем лесом? Может, стоит отступить и дожждаться подхода хоругви вице-мейстера Андреаса? Донесли, что к князю Александру приближается татарский хан с ратью. Откуда? Ведь татары еще увязли в Венгрии. А если уже ушли оттуда? Пресвятая Дева Мария! Благослови! Под Изборском русичей было почти вдвое больше, а нас менее, чем сейчас. Победили же! И сегодня победим!.. Подспудно епископа терзала мысль – а не встретится

¹ Автор согласен с немногочисленными историками, считающими, что Ледовое побоище происходило в самом узком месте Теплого озера (расположенного между Чудским и Псковским озерами) – Узмени, между деревнями Мехикорма и Пнево, Чудская Рудница. Данная версия существенно отличается от традиционной версии места и хода сражения. (Топонимика данного места битвы: Узмень – деревня Изменка (Мехикорма), Вороний Камень – как писал в воспоминаниях академик М.П.Тихомиров, что юго-западнее деревни Чудская Рудница (кровь чуди?), по словам местных жителей, «до 1921 г. на поверхности воды выделялся большой валун, который рыбаки называли Вороньим Камнем. Валун был взорван рыбаками для свободного судоходства. Эстонское название д. Пнево – Киеви (эстонское «киви» означает камень) – возможно, там было урочище «Вороний Камень»).

² Ливы – жители Ливонии (территория современной Латвии).

³ В битве у немцев было, по мнению автора, традиционное построение средневекового европейского войска в три полка, а не почему-то принятое у отдельных наших историков нанесение удара только одной «свиньей», правда, огромного размера против крошечных русских полков (на схеме тупо переходящей из книги в книгу). Да и сочетание в боевых порядках конных рыцарей и пеших кнехтов маловероятно – попробуй успеи пеший за конным. Иное дело – пешие рыцари, саринты и кнехты в одном строю. Конная хоругвь, вроде, лучше, но где взять столько коней в нескольких замках, да и чем их прокормить во время зимнего похода? Да и не всегда конь помчится на ошестинившееся копытами вражеское войско. Пеший клин, умеющий держать строй, – немалая сила.

ли он с изменником-племянником Гербертом лицом к лицу в грядущей битве?

Заунывно запели братья-рыцари «Ave Maria...», начали креститься ополченцы, потом взметнулись стяги, и сперва неспешно, потом, более быстрым шагом, три отряда устремились вперед.

Епископ пришпорил своего мерина и двинулся вослед своей наемной дружине. Оглянулся – горожане-ополченцы замерли на месте. Пришлось послать фон Тизенгузена их подогнать. Русичи в центре прикрылись лучниками и застыли на месте, но их крылья устремились навстречу датчанам и епископскому воинству. Герман растерянно покачал головой – почему русская пехота в центре остолбенело ожидает встречи с железной орденой хоругвью? Их же сомнут одним ударом! Рассекут! Рассеют! Или?..

Фон Тизенгузен все-таки поторопил ополченцев, направил вслед за рыцарями.

Воевода Кербет внимательно вглядывался в приближавшиеся ряды войска епископа Германа и союзников. Все почти так же, как и полтора года назад под Изборском. Только немцев и их союзников стало поболее, а русичей чуть ли не вполовину меньше, чем тогда неудачливых псковичей. Но тогда все силы русичей были перед епископским воинством как на ладони, а вот сегодня лучшие конные дружины (по сотне конных оруженников, но зато каких воинов! князя Александра укрыты от взоров наступающих в густом лесу). И позади нет крутого обрыва и озера.

Железная хоругвь братьев-рыцарей под знаменем с черным крестом на белом поле также движется клином на застывший на

месте большой полк новгородцев. Кербет вспомнил, как когда-то, в другой жизни, наблюдал как братья-рыцари и кнехты строились пешим клином – «кабаньей головой», отрабатывали порядок, называемый викингами «даром верховного бога Одина»¹, бесполезный без слаженных действий, доступный только опытным воинам.

Пешие рыцари и сариенты² на острие клина и с краев прикрывают кнехтов и чудских воинов от стрел русичей. Арбалетчики и чудские лучники чуть впереди, небольшие конные отряды рыцарей и чудской знати прикрывают фланги. Выдержат ли свои их натиск? «Пресвятая Дева Мария! Вот и новгородцы, наконец, своими стали, – печально подумал Кербет. – Сейчас бы и владычному полку не оплошать перед приближавшимися датчанам. А тогда можно будет и татарского мурзу с лучниками выпускать».

Вернер фон Наумбург, следовавший с десятком братьев-рыцарей и тремя десятками сариентов справа от своей хоругви, только на несколько мгновений в недоумении замешкался, принимая решение – атаковать ли русских лучников и стоящий за ними ошестинившийся копьями отряд новгородцев. Но не отступать же! Ландмаршал принял, как он сам решил, «соломоново решение» – бросил свою непобедимую хоругвь на стрелы и копья русских, но не забыл послать оруженосца ускорить ополченцев, чтобы прикрыть тылы орденой клина от возможного окружения конными дружинами новгородцев.

«Какое окружение? О чем я думаю? – фон Наумбург раздраженно потряс головой. – Пресвятая Дева Мария! Откуда вдруг сомнения, нехорошие предчувствия, бо-

¹ Есть мнение, что «дар Одина» был просто копией тактического приема, известного еще римлянам.

² Сариенты (сержанты) – средневооруженные рыцари, члены ордена недворянского происхождения, в отличие от братьев-рыцарей носили серые плащи, такие же кресты, как и рыцари, а не «Т-образные» (как у «полубратьев»), как ошибочно рисуют некоторые художники и утверждают отдельные ученые.

знь повторить судьбу дядюшки, павшего в битве?»

Над озером разнеслась боевая песнь ордена:

– Christ ist erstanden von der Marter alle...¹

Орденская хоругвь устремилась на ряды русских лучников, но русичи отступили сквозь разомкнувшиеся на мгновение ряды пехоты. Подоспевшие кнехты-арбалетчики вышли вперед, выстрелили в центр большого полка новгородцев, тяжелые арбалетные болты заметно проредили первые шеренги, облегчая прорыв орденской хоругви. Рыцари ускорили шаг, только начали разворачиваться для атаки, образуя два крыла огромной железной птицы, и ... «клюв» хоругви уперся в выступающий из льда огромный невысокий валун. Фон Намбург разом вспомнил всевозможные ругательства, казалось, совсем позабытые за время долгого пребывания в рядах воинов-монахов. Конечно, опытейшие братья-рыцари, составляющие острие клина хоругви, сумели разделить и с двух сторон плавно обогнуть треклятый камень, вклиниться в изготовившиеся к схватке ряды новгородцев, но замедлился темп удара, расстроились боевые порядки. Русские дрались отчаянно, но тяжелый клин, действуя за счет собственной массы и инерции, поражая противника копьями и мечами братьев-рыцарей и сариев, стрелами арбалетов кнехтов, пробил брешь в рядах русичей и глубоко вклинился в большой полк новгородцев, конные отряды рыцарей и чудской знати обошли прогнувшиеся ряды новгородцев, и... острие клина и конные отряды уперлись в ряды обозных телег, ранее облитых водой и потому просто вросших в лед. Далее начинался высокий берег, усеянный пнями от вековых деревьев – не развернешься! Строй хоругви расстроился, вы-

ровнявшиеся, было, шеренги окончательно перемешались – не удалось, как под Изборском, прорваться и ударить в спину противнику. Князь Александр учел уроки разгрома псковичей!

Тяжело, ой как тяжело новгородцам! Немецкие рыцари клином и конные отряды уже прорубились к обозу. Гаврила Олексич огляделся по сторонам – не видна ли пообещанная князем подмога? Нет, не пришло еще время – а сколько еще русичей падет в сече, пока князь Александр двинет в сечу запасные конные дружины! Немецкий клин увяз, надежно, но как поредели ряды новгородцев! Воевода сделал знак стяговнику, тот взмахнул флагом, и задние шеренги новгородцев развернулись (не зря Гаврила Олексич готовил новгородцев к возможному удару немцев с тыла!) и прижали конные отряды немцев и чуди к телегам и пням. Прижать-то прижали, но немец не побежал, а конные рыцари ринулись к новгородскому знамени и на воеводу. Где обещанная подмога? Немецкий рыцарь-великан прорубился к знамени, зарубил стяговника. Стяг рухнул. Как и конь под воеводой, пронзенный двумя арбалетными стрелами. Самого Олексича новгородцы едва успели вытащить из-под туши коня и оттащить к обледенелой телеге. Только тогда воевода заметил, что сквозь прорубленную на плече кольчугу сочится кровь, в бедре застряла чудская стрела. Но это не важно – страшнее другое: сейчас вступят в бой дерптские ополченцы и ...

Ландмаршал растерянно огляделся по сторонам – его отряд, силами мечей и копий вдавившийся в середину вражеского большого полка, оказывался с трех сторон окруженным русскими – крылья полка новгородцев не бежали, как псковичи под Изборском (чего ожидалось), а развернулись и продолжали, несмотря на тяжелые потери,

¹ Христос воскрес из мертвых... (нем.). Мотив боевой песни ордена напоминает пасхальное песнопение.

беспощадную рубку. Что еще приготовили ему русские? И почему не спешат так необходимые сейчас дерптские ополченцы и «полубратья»?

Владычный полк новгородцев схлестнулся с датчанами. Впрочем, «схлестнулся» – громко сказано. Сблизились. До смертельной рубки не дошло. Отдельные схватки самых ретивых бойцов – выскочили из рядов, обменялись парой ударов – и назад. Кербет попытался повести своих ратников вперед. Куда там, не плетью же гнать! Лучники владычного полка и датские арбалетчики – вот те стрел не жалеют. Воевода зло выругался по-немецки – его воины выжидают, поглядывают, чем завершится беспощадная схватка «железного полка» с новгородцами Гаврилы Олексича. А там уже половину большого полка вырубил. Стяг один раз уже подрубил. Если бы Олексич поблизости не оказался и не отбил знамя, то и побежать могли изнемогающие новгородцы.

Князю Андрею на левом крыле тоже нелегко: его с одними пешцами и горсткой конных оставили. Воинство дядюшки Германа, и конное, и пешее, к боям привычное, озлобленное (их земли новгородцы всегда в первую очередь разоряют) теснит русичей.

А дерптские и чудские ополченцы, наконец, оживились, увидели, как рухнул стяг большого полка русичей, почудилось, будто скоро и без них сломят русичей. Выровняли ряды (ополченцам бы поскорее до русского обоза добраться и пограбить) и устремились вперед.

Кербет повелел трубачу протрубить, давая сигнал татарам, что пора выступать.

Князь Александр наблюдал за битвой из леса у деревни Пнево. Все вроде шло так, как он рассчитывал, но большой полк редеет прямо на глазах, ополченцы сейчас придут немцам на помощь, и ... Левое Андреево крыло медленно отходило, видно было, как епископские конники начинают огибать их, того гляди ударят с тыла. А у Кербета – так, одна перестрелка... Александр с

досадой подумал, что зря доверил правое крыло своему новообретенному немецкому родичу, схватился за голову – какого черта тот выпустил отряд татарских лучников (весь «угорский дар» хана Батыя!) в обход датчан? Их же сомнут и вырубят – достаточно всего нескольких десятков тяжелооруженных датских рыцарей! Потом радостно засмеялся – воевода Кербет не зря сражался супротив татар на кровавых берегах реки Соленой, по угорски – Шайо: одного вида скачущих всадников в лисьих малахаях, на низкорослых конях, их гортанных криков оказалось достаточно, чтоб чудские и дерптские ополченцы вмиг показали спину (у страха глаза велики, и несколько десятков всадников покажется тьмой!) и с истошными воплями: «Тартары! Тартары!!!» (неужто татары такой ужас навели своими прошлогодними победами в ляшских и угорских землях?) устремились прочь к своему лесистому берегу. И сразу владычный полк смело ринулся на оторопевших датчан. Воевода Кербет был впереди, прорубаясь к датской хоругви.

Вот теперь можно и конные дружины пускать в дело! Направив отряды отборных тяжелооруженных всадников в бой, князь Александр снова взглянул на владычный полк. Датские рыцари отступали, а вот сам Кербет, пронзенный арбалетной стрелой, выронив меч, медленно падал с коня. «Пресвятая Богородица, сохрани жизнь моему смелому воеводе» – только успел попросить князь Александр, и устремился в гущу битвы.

Епископ Герман уже приготовился было взмахнуть булавой (негоже служителям Божьим мечом иль копьем проливать кровь в сражении, иное дело шестопером ошеломить или, в крайнем случае, голову проломить!), бросая в битву свои последние резервы, как суматоха на левом крыле заставила оцепенеть в ужасе. «Проклятые трусы! – подумал он, наблюдая за начавшимся бегством своих ополченцев. – Татарских

лучников не больше полусотни, вдесятеро меньше, чем дерптских вооруженных горожан, а те удирают без оглядки». Епископ невысоко ставил боевые качества самой многочисленной, плохо организованной и скверно вооруженной части своего воинства, но такого он не ожидал даже от них!

Где конные дружины князя Александра? Ответ не заставил себя ждать: русские конные всадники появились на левом фланге, рассеяли отступающих датских союзников, видно было, как рухнула под копыта русичей красная с белым крестом хоругвь графа Гольштейна, но русичи не бросились в погоню, а устремились на хоругвь фон Наумбурга. Лишь татарские лучники преследовали датчан. Размышления – бежать или прийти на помощь гибнущему воинству братьев-рыцарей – были недолги: дружина князя Александра под стягом с вздыбленным львом, скрытая ранее в лесу на русском берегу озера, устремилась на опешившее епископское воинство. Выбрали бегство.

– Спасайтесь! – прокричал епископу подъехавший Рембольд фон Тизенгузен. Несколько рыцарей пересадили грузную тушу Германа с неторопливого мерина на резвого скакуна. – Только удержитесь в седле, Ваше преосвященство!

Фон Тизенгузен стеганул плетью епископского коня, тот рванул с места в галоп, но престарелый всадник усидел, и небольшой конный отряд рыцарей устремился к дымящимся развалинам деревни Мехикормы. Участь оставшихся была печальной: кого не потоптали стремительные кони полка князя Александра, тех повязали новгородские мужики. Дружина князя Александра, рассеяв

епископское воинство, устремилась на хоругвь фон Наумбурга. В погоню за дерптцами устремилось крыло князя Андрея. Догнали и бегущих ополченцев...

Не считая десятка конных рыцарей, сопровождающих самого епископа¹, не более полусотни дерптцев (включая и ополченцев – от смерти и плена не убежишь!) добрались до спасительных городских стен. Верный епископский мерин, избежав, казалось, неминуемой смерти в котлах оголодавших победителей-новгородцев, через неделю добрал до ворот Дерптской крепости...

Но хуже всего пришлось окруженной теперь со всех сторон хоругви Вернера фон Наумбурга. На вставших в оборонительный круг рыцарей, арбалетчиков и ливов помимо русских дружинников неожиданно навалились еще и обозные мужики с топорами. Попытку прорыва трудно было назвать успешной – с кровавого льда выскользнуло не более нескольких десятков измученных всадников². Пехоте было не уйти. Немногие уцелевшие бойцы орденовой хоругви сложили оружие.

Сам Вернер погиб в конце битвы (предчувствиям, особенно нехорошим, верить надобно!). С его смертью рассеялись последние надежды на возрождение Ордена рыцарей Меча – меченосцев.

Русичи устремились в погоню за уцелевшими жалкими остатками «железной» хоругви, и если бы не встретившийся вскоре немцам отряд вице-мейстера ордена Андреаса фон Вельвена, до орденовых замков никто не добрался.

Вице-мейстер, как оказалось, не спешил на помощь – поддержка требовалась само-

¹ На этом успешная многолетняя карьера епископа вскоре завершилась. Службу Господу он завершил в монастыре, где и умер.

² Ливонская рифмованная хроника говорит о двадцати убитых и шести пленных, имея в виду только братьев-рыцарей – огромные потери! (общее число братьев-рыцарей в то время в Ливонии едва ли превышало сотню). Обычные потери рыцарей в битвах того времени – пять – десять человек. А сариевцев, кнехтов, как и дерптцев, датчан и ополченцев, хронист и не считал. А тонуть крестоносцы в озере стали много позже, века через два-три, усилиями русских летописцев.

му Ордену – померанский князь Святополк (Свентополк) возглавил очередное восстание пруссов, вся земля прусская казалась обогрелой кровью христианской¹.

«Куда там отомстить русичам за Пейпусский разгром! Удержаться бы в прусских землях! А если князь Александр двинет свои победоносные полки на Дерпт, Ригу! – От таких мыслей Андреас схватился за голову. – Мир, мир любой ценой! Отказаться от всех завоеваний – Пскова, Изборска, Луги, Води, Латыголы, вернуть псковских заложников. Хвала Пресвятой Деве Марии, что удалось подкупить литовского властелина Миндовга, чтоб тот двинул свои отряды су-против новгородцев».

Князь Александр, сопровождаемый братом Андреем и верными воеводами, в смятении застыл на месте схватки новгородцев с «железным полком». Вдруг вспомнилась фраза великого предка – князя Мстислава Владимировича, произнесенная после стародавней битвы при Листвене: «Как не радоваться? Вот лежит северянин, вот варяг, а своя дружина цела!»². Но Александр промолчал. Дружину-то он свою сохранил, но какой ценой? Одно дело – уповать, что новгородцы малой кровью остановят немца, иное – увидеть горы изрубленных тел ратников большого полка (как говорится, смерть в бою – дело Божье, но не в таком числе!) и опустить взор перед укоризненным взглядом израненного воеводы Гаврилы Олексича. Заметно поредели и другие полки.

Раненного Кербета на санях собирались отправить в Псков. Куда там – примчалась его Настасья, со священником. Обручение прошло немедленно. Но увезти своего суженого посаднической дочери в Псков не уда-

лось – князь Александр отправил Кербета воеводой в город Дмитров (надобно кому-то верному и надежному присматривать за непостоянным князем Ярославом Владимировичем в Новоторге). С пожеланием скорейшего выздоровления и обещанием прибыть со своей княгиней на грядущую свадьбу. (Через три года, как напишет новгородский летописец, Кербет со своими дмитровцами поможет князю Александру разгромить литовское войско под Торопцом)

Сотский Савва, искавший смерти в бою, погиб в самом конце битвы, защитивши своего князя (как и ранее побратим Ратмир в Невской битве) от немецкого копья. Князь осознал, что он одержал «пиррову победу»: прощай, помыслы о возвращенном под власть Новгорода городе Дорпате-Юрьеве, покорении Риги, богатой добыче!

И когда на следующий день к стоящему в прямом смысле «на костях» новгородскому воинству прибыл хан Берке (брат Бату-хана) с несколькими тысячами татар (где он был в день кровавой сечи? Как выяснилось много позже – расчетливо выжидал исхода битвы!), то из-за страшных потерь и речи не могло быть о немедленном продолжении похода в чудскую землю. Сговорились о походе против Литвы грядущим летом (Александр наконец-то оповестил свое войско о литовских отрядах, напавших на новгородские земли, – пора покарать князя Миндовга за обман и коварство). Александр Ярославич без сожаления пообещал отправить вместе с татарским ханом новгородцев и псковичей – чего жалеть и без того поредевшие полки простых ратников, главное, удалось отстоять свои верные дружины! Правда, о

¹ Из двадцати орденов замков в Пруссии крестоносцам удалось тогда удержать только пять. Восстание продлится **одиннадцать** лет! И только после подавления восстания, в 1253 году, орденовое войско снова появилось у стен Пскова.

² В 1024 году под Лиственом князь Мстислав разгромил войско своего младшего брата Ярослава, позже прозванного Мудрым.

предстоящем походе его участникам решить не говорить – пусть порадуются напоследок великой княжеской победе! И немедленно послать главного переговорщика боярина Лазаря Моисеевича к немцам с предложением мира!

Псков, ликуя, в великой радости (потери среди псковичей были в разы меньше, чем у новгородцев, да и псковичи-переветчики были прощены) встретил победоносные полки князей Александра и Андрея. Псковский летописец-современник¹ записал слова Александра Ярославича: «О мужи псковичи, говорю вам: если и после кто из родичей моих прибежит к вам в печали или так приедет пожить во град Псков, а вы его не примите, не воздадите почести ему, то наречетесь вторая жидова»².

Летом, после клятв о вечном мире с немцами, приспели, наконец, запоздалые послы от прусского князя Святополка с призывом сообща сокрушить Орден, вернуть Дорпат-Юрьев Новгороду. Вот тогда князь Александр застонал от отчаяния – кабы он знал! А мог бы знать, если бы не татары: только через три дня после заключения мира с немцами татарский хан вернул захваченных за день до Ледового побоища прусских послов с известиями о восстании пруссов, о призыве выступить сообща. Что татарам до пруссов!..

Литовский князь Миндовг не хватался за голову в отчаянии: без голов оказались его «умные» советчики, уговорившие князя от-

казаться от союза с князем Александром, за немецкое золото напасть на Новгородские земли (что по правде отвечало тайным чаяниям Миндовга). И на помощь пруссам немедленно никак не прийти – где взять сил отбиться от навалившегося татаро-русского воинства?

ЭПИЛОГ

**15 апреля
(десять дней после битвы)**

Господин Великий Новгород

Радостный перезвон колоколов разливался над Новгородским кромом, у ворот толпились ликующие купцы и духовенство, на стенах развевались расшитые сверкающим серебром и золотом церковные хоругви, блестили драгоценные оклады икон. Казалось, и небеса теплыми весенними лучами солнца возликовали в честь великой победы неспясаемых дружин князя Александра Ярославича, воистину Великого князя (по его собственному мнению). Князь Андрея с суздальцами Александр почел за благо отправить с радостными вестями к батюшке в стольный Владимир – хватит с младшего брата и Псковского чествования. Но почему толпы новгородцев, стоящие вдоль пути победителей и так радостно приветствующие и новгородские полки, и даже двигавшуюся перед князем верную дружину, печально замолкали, едва завидев новгородского князя?.. Лучше бы что-нибудь злое прокричали...

Молчание угнетало. Александр с обидой нахмурился: неужели они не понимают, что

¹ Из Псковской первой летописи.

² В позднейших Житиях князя Александра слова князя сделались намного более пафосными и велеречивыми. А фильм «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна стал панегириком князю-победителю – время было такое, предвоенное. Вспомните речь Александра в последнем эпизоде фильма!

битв без потерь не бывает, что война кровь любит? Ведь не свою же верную дружину было ставить на пути «железного» полка немцев? Дружина-то еще не раз князю пригодится, а простых мужиков бабы еще нарожают, доля у них такая, женская... Немец-то пока увязал в рядах большого полка, добрую половину новгородцев поискрошил, а оставшихся грядущим летом в поход на литвинов придется отправить. Знамо дело, не дружину надежную под литовские копыя и дубины посылать! Правильно батюшка напутствовал, в поход отправляя: «Ты новгородских мужиков супротив главного вражеского удара поставь, вспомни, как они тебе путь из города показали, жалеть их не надобно. Уцелевшие покорнее будут, крикучны и горлопаны завсегда в передних рядах стоят – и в смуте, и в сече, даст Бог, самых говорливых немец и повырубит. Слуг своих побереги. В битве со свеями на Невском берегу ты своих ближних оружников на вражеские копыя направил, необученных новгородцев пожалел, а когда не с кем было идти на помощь Пскову после падения Изборска (дружина верная после Невской победы кровью истекла), новгородцы сами не пошли, а тебе путь из Новгорода показали. Запоминай, сынок, науку воинскую и княжескую...» Ну почему же батюшка Ярослав Всеволодич не поведал тогда сыну, каково после таких кровавых побед в свои города возвращаться, бесчисленным вдовам и сиротам в глаза смотреть? (а знает ли кто

иной путь, не проливая рек крови, своей и чужой, победы одерживать?). Понял теперь молодой князь, почему никогда не возвращался торжественно отец ни в стольный Владимир, ни в свой Переяславль-Залесский после побед, им одержанных, а, как и после поражений бесславных, пронирылым ужом незаметно проскальзывал. Почему сыну не растолковал? Александр печально улыбнулся, не понял бы он тогда отца...

Радость победы велика, но почему вдруг стало печально на душе? Чего бы только не отдал князь, если б так возвращался он с победой четыре года назад, разгромив татар под Новоторгом, совместно с дядей Юрием сокрушив Батыевы полчища на Ситских берегах, но судьбу-злодейку уже не обернуть назад...

– Испей, наш князюшка, кровичицы людской, мало на Чудском льду ее пролил, – протянул какой-то убогий старичок из толпы князю крынку. Верный слуга с оттягом хлестнул деда плетью, конем сбил с ног, крынка разбилась. Князь Александр, много раз смотревший в глаза смерти, устрасился взглянуть на растекавшееся по снегу пятно.

– Не боись, княже, молоко в крынке было. Что взять с убогого? – прозвучал беззаботный голос сотского Ратши, заменившего павшего в битве Савву. – Поспешать надобно. «Лучшие» люди на владычном дворе на честной пир ждут, столы уже накрыты. Эх, погуляем!